

В. И. Немирович-Данченко

**Воинствующий Израиль
(Неделя у дагестанских
евреев)**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
Воинствующий Израиль (Неделя у дагестанских евреев) / В. И. Немирович-
Данченко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 141 с.

ISBN 978-5-518-06865-0

ISBN 978-5-518-06865-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

едѣля подѣ южнымъ солнцемъ, недѣля постоянно смѣняющихся, яркихъ впечатлѣній среди чудныхъ, горныхъ пейзажей, нигдѣ и никогда не повторяющихся.

Въ этой рамкѣ клочекъ семитскаго племени, дванымъ давно заброшенный въ Кавказскую глушь, въ среду чуждыхъ ему и даже враждебныхъ народовъ. Уголокъ завѣсы приподнять надъ борьбою, продолжавшеюся тысячелѣтїя. Видишь какъ эти обломки воинствующаго Израїля крѣпли и выростали въ смѣлыхъ и сильныхъ людей на землѣ, облитой кровью, на скалахъ, уходящихъ въ поднебесье.

Тутъ-же рядомъ — драма изгнанїя... Обманутые мусульмане горцы, возвращающїеся изъ негостепріимной Турціи домой, чтобы умереть среди безлюдныхъ и мол-

чальныхъ развалинъ роднаго аула, если уже нельзя жить въ этихъ полуразрушенныхъ сакляхъ, гдѣ теперь только горные орлы вьютъ свои гнѣзда.

Отчего наши евреи выродились, отчего русскій Израиль развратился! Развѣ менѣе кровавая борьба досталась на долю его собратій, заброшенныхъ въ горы Дагестана, развѣ не столь-же томительно было ихъ прошлое, развѣ они не страдали, не плакали такими-же горючими слезами?.. Древній еврей тутъ весь передъ вами. Я не хочу ни ненавидѣть ни защищать. Я говорю только о томъ, что видѣлъ и затѣмъ ставлю вопросительный знакъ.

Авторъ.

I.

**Ночь въ горахъ. — Трагическій
злодѣй Магомадъ-оглы.**

ахнеть съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ,
а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаетъ слѣдить за изви-
вами ущелій, за гребнями горъ, за
ихъ вершинами, то выступающими
серебрянными куполами на яркой
синевѣ чистаго неба, то пропадаю-
щими вдаль, чтобы минутой спустя
опять замерещиться едва различаемыми
контурами.

Грохоть ручьевъ справа и слѣва...
Ручьи впереди, ручьи позади... Точно
попалъ въ заколдованное царство те-
кучей воды. Поневоля забудешь и не удобный ночлежь
въ горахъ, и недавнюю усталъ, и неудачи на охотѣ за
каменными баранами—турами.

Или во мнѣ совершенно вѣтъ инстинктовъ охотника,

или я просто еще не усвоилъ себѣ всей прелести этой безпощадной травли—не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подымалась цѣлить въ эти красивые силуэты гордыхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамою долинъ и ущелій, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорятъ, что туръ по вѣтру не подпустить къ себѣ никакого охотника, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, онъ „головою внизъ бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги“,—не знаю. Охотники—лгуны по принципу, натуралисты, имѣютъ слабость вѣрить имъ, ну и Господь съ ними... Вѣдь рассказывалъ-же мнѣ мой милѣйшій спутникъ, Аду-Ника-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ нѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туровъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Нимврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже заколдованное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну а теперь у васъ такихъ охотниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходить на туровъ изъ нашего аула. Остальнымъ и дѣла нѣтъ... Молодежь—та тоже портиться начинаетъ.. Недалеко время, когда горные орлы домашними курами

стануть, а мужи вмѣсто женщинъ дѣтей рожать начнутъ. А все уреть!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде, горячо заговорилъ онъ,—у насъ судился народъ по адату или шаріату. Теперь русскіе своихъ судовъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулейманомъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ занимались они. Ну, а мальчикъ хорошей крови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана кинжаломъ. Что-жь-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму.

— А сколько лѣтъ убійцѣ?

— Тринадцатый только. Совсѣмъ напрасно пострадалъ, бѣдный.

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Затѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы—кровь за кровь; молодежь смѣлость и удалство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зналъ, за обиду кинжаломъ расправлялся. Мужы были, а теперь бабами стали. Чуть что — къ начальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жену свою поймалъ въ кунацкой съ гостемъ. Что-жь-бы ты думалъ? съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома. — Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ — женѣ разводъ далъ и на обольстителя ея, собачій сынъ,

пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоитъ нынче... Кто говорить, всё мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣзешь жену воровать. А только мы знали, что голову свою за это несемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совсѣмъ домой не вернемся!..

А ночь дѣйствительно выпала на нашу долю плохая.

Черною пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемкахъ нѣчего было и думать пускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропинки и мы, и лошади свернули-бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темнѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корень, узловатый и толстый — снопы золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ ночныхъ небесахъ, разливая серебрянный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонъ одинъ прямо передъ нами, точно матово-бѣлая глыба. Внизу, объята туманомъ, долина какъ пропасть лег-

ла. Только какой-то огонек в самом днѣ ея то вспыхнетъ, то замреть...

— Костеръ тоже, пояснилъ Магома. — Тоже луны ждуть.

Вонъ бьется и плещеть горное озеро, дробится въ огнистыя искры. Точно призраки, изъ разщелинь ползеть, растеть и клубится мгlistая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяць показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди замигались извивы тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фонъ, теперь легли оттѣнки ущелий и выступовъ. За пропастью налѣво, на склонѣ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный ауль, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся кверху башню минарета. Новый поворотъ дороги—и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣзться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насѣдали на лѣвыя ноги, чуть дотрагиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высѣче-

ны троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣны, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной сверкали эти щели, какъ пламенныя жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, надъ обезлюдѣвшими аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщіе костры, разнося далеко, за десятки верстъ, смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣсяцъ. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заалѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣнцами утесы и скалы въ безконечную даль уходившаго нагорья. Огненными морями раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка минарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблущейся мглы.

Прелестно начался этот веселый день, приветствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Туть-то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось, рискнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже пріостановился.

— Убійствъ было много.

— Можетъ быть, ты и хорошій человекъ, да урешь. У васъ у всѣхъ руки сильныя, да души воробьиныя. Развѣ подобаешь мужу крови боятся? Развѣ не весело, когда кругомъ звенять пашки и порохомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не нужно было и повода, чтобы поработать кинжаломъ. Вотъ туть недалеко случай былъ: изъ-за плети триста человекъ зарѣзано.

— Это-же какъ? невольно удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плеть взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плети, другіе къ его сосѣду, и пошла „веселая игра“. Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно пріостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя „веселой игры“.

Магома былъ человекъ совершенно искренній. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ узденей Хаджи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческая цѣнилась дешевле цыпленка. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, клювообразнымъ носомъ. Сѣдыя космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетинистыхъ бровей неотступно смотрятъ на васъ грозныя очи недавняго мюрида, сотни разъ встрѣчавшія смерть и навѣрное неопускавшіяся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ и каждая врѣзана глубоко, точно остриемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатая руки. На конѣ сидитъ—точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюридъ Магома, повѣствующій о прелестяхъ „веселой игры“ и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ,—страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого „трагическаго злодѣя“, по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за пазуху, и на шею. Того же Магома, несмотря на все его величіе, ничуть не боялась аульная дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомой непременно потребуетъ отъ него сказки или лабъ-лабы—мѣстнаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котятами! Судите послѣ того о человекѣ. Тотъ-же Магома, ради